Иван С. Григорьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург

«Дело поручили собаке, а она — своему хвосту»: ответ П. Блохину

Статья представляет ответ Павлу Блохину и начинается кратким резюме теории взаимоотношений секретариата с Конституционным судом, изложенной в статье «Роль секретариата в работе российского Конституционного суда: фильтрация или амортизация?» [Григорьев, 2015]. Автор оценивает критику, высказанную в ответной статье Павлом Блохиным, соглашаясь с некоторыми справедливыми претензиями и уточняя отдельные формулировки. Так, на основании проведенного количественного анализа пересматривается периодизация эволюции отношений секретариата с Судом, предложенная в предыдущей работе. Не отрицая серьезного влияния, оказанного на работу секретариата переездом Суда из Москвы в Петербург в 2008 году, мы фиксируем более ранний запуск изменений в политике секретариата, датируемый 2006-2007 годами и, вероятно, связанный с принятием в 2005 году закона «О порядке рассмотрения обращений граждан». В свете новых результатов в заключение статьи также выдвигается предположение о том, как изменение практики работы секретариата должно было повлиять на формирование повестки дня в Конституционном суде. Ситуация, в которой доминировал председатель Суда, постепенно стала более плюралистичной в силу более активного обращения судей к практике подготовки докладов по жалобам, по которым секретариат рекомендует принятие определения.

Ключевые слова: Конституционный Суд, секретариат, правосудие в России, российская политика.

Григорьев Иван Сергеевич — старший преподаватель, департамент прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: судебная политика; российская политика; реформы. E-mail: igrigoriev@hse.ru.

Ivan S. Grigoriev — senior lecturer, Department of applied politics, National Research University Higher School of Economics. Research interests: judicial politics; Russian politics; reforms. E-mail: igrigoriev@hse.ru.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-01-0121) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Ivan Grigoriev, Higher School of Economics, Russia, Saint-Petersburg
«They Gave the Job to the Dog, and the Dog Handed it over to his Tail». A Response to Pavel Blokhin

In this response I briefly overview the theory of Court-Secretariat relations formulated in my previous paper (*Sotsiologiya vlasti* 2, 2015). I also review the criticism by Blokhin by answering some of his critiques and refining my own arguments where necessary. Most importantly, based on the quantitative analysis of the Russian Constitutional Court decisions I reconsider the periodization of the Court-Secretariat relations. Without renouncing the influence of Court relocation to St. Peterburg in 2008, I record an earlier breakdown in the model of Court-Secretariat cooperation in 2006-2007, most probably triggered by the 2005 Act on Citizens' Inquiries. In light of these new results I also put forward a novel argument pertaining to the agenda setting at the Court. In particular, I suggest that whereas before 2006 the agenda setting was dominated by the Court chairman (who controlled the distribution of reports among justices), as the mode of Court-Secretariat relations started to change, so did the agenda setting which should have also become more pluralistic. With more petitions reported to the Court by the Secretariat directly, and not through the chairman, the justices could use these petitions to build their cases without chairman having previously nominated them to report on these cases.

Keywords: Constitutional court, secretariat, justice in Russia, Russian politics

В статье, опубликованной в №2 «Социологии власти» в 2015 году, я попытался по возможности полно описать природу отношений российского Конституционного суда с его секретариатом. Вкратце, моя теория такова, что, будучи по существу агентом, от имени судей собирающим и обрабатывающим информацию о поступающих в Суд обращениях, секретариат может влиять на политику суда, ограничивая или модифицируя доступ судей к жалобам. Жалобы, поступающие в Суд, становятся в этой логике своеобразным сырьем, с которым работают судьи. Регулируя поступление «сырья», секретариат, в меру отведенной ему в этом процессе дискреции, способен существенным образом влиять на взаимоотношения Суда с другими значимыми игроками на политической арене.

В отношении российского Суда эта теория получила уточнение: до переезда Суда из Москвы в Петербург в 2008 году работа секретариата была организована так, чтобы уменьшать объем жалоб, доводимых до сведения судей. После переезда вектор изменился, и в настоящий момент секретариат снабжает судей информацией о поступающих жалобах относительно полно. Если учесть некоторые оговорки, касающиеся точной датировки этого изменения (о чем ниже), я и теперь придерживаюсь этого мнения. До серии ре-

форм, произошедших в конце 2000-х — начале 2010-х, секретариат скорее склонялся к избыточной минимизации судейской нагрузки. Теперь он скорее «перестраховывается», перегружая судей бесперспективными жалобами, исход которых секретариатом и самими судьями определяется заведомо одинаково. Возобладало буквальное прочтение нормы закона о Конституционном суде, согласно которому ряд оснований для отказа в принятии жалобы к рассмотрению может быть использован только самими судьями, а секретариату (в функции которого также очевидным образом входит отбор жалоб) в таких случаях положено информировать суд о необходимости принять отказное определение, не вступая в развернутую переписку с заявителем.

Разумеется, в юридических кругах роль секретариата и возможная избыточность его вмешательства проблематизировались и до меня. В самом обнаружении этой проблемы моего вклада нет. Среди работ, квалифицированно и глубоко освещающих данную проблему (в том числе и с обращением к материалам судебного делопроизводства), помимо более ранней статьи А. Автономова заметны и публикации Павла Блохина, чей любезный отклик на мой текст послужил для меня основанием вновь высказаться на данную тему, хотя бы и коротко. Сразу признаю, что отсутствие более развернутой библиографии по данному вопросу, которая непременно должна включать сразу несколько работ П. Блохина, в том числе его кандидатскую диссертацию, является одним из недостатков моей статьи 2015 года, который я надеюсь хоть отчасти восполнить здесь, адресуя читателя к более ранним исследованиям по данной теме [Автономов, 2009; Блохин, 2012; 2015; Сивицкий, 2012; Дмитриева, 2014].

Мой собственный вклад в разработку проблемы состоит в том, что я обратил внимание на последствия, которые должно иметь для судебной политики участие в ней «скупого» секретариата — т. е. секретариата, который не слишком охотно демонстрирует судьям содержание поступающих в Суд обращений и, таким образом, не слишком «щедр» в отношении заявителей. В частности, в условиях делиберализации режима — процесса, когда политическая элита перестраивает институциональную структуру (зафиксированную в том числе и в Конституции), делая ее более управляемой, — в Суде должен возникать диссонанс между установками судей на защиту этой структуры и возможными опасениями в связи с текущими политическими рисками. Отчасти этот диссонанс устраняет «скупой» секретариат, навязывая судьям своеобразную изоляцию и снимая с них часть ответственности за разбор поступающих жалоб. «Скупость» секретариата таким образом помогает судейскому коллективу (что, впрочем, самими судьями, вероятно, не осознает-

ся) добиться необходимого уровня организационного «эскапизма»[1]. Таково вкратце содержание моей предыдущей статьи.

Статья Блохина, наряду с целым рядом исключительно разумных предложений по улучшению работы секретариата и его взаимодействия с судьями (с ними я преимущественно согласен и потому не буду подробно комментировать), также содержит и критику. Так, Блохин обращает внимание на ряд недостатков в эмпирическом обосновании предложенной теории, тем самым заставляя переосмыслять и саму теорию. Отчасти его критика справедлива: многое из написанного не столько служило доказательством моей аргументации, сколько подкрепляло интуицию, на которой она строилась. Вероятно, потому я и готов с относительно легким сердцем отказаться от некоторых более ранних построений, отбросив их за ненадобностью. (Разумеется, я не могу сделать этого, не нагрузив читателя новыми построениями, и надеюсь только, что они будут менее громоздкими.)

Для начала согласимся со справедливыми замечаниями моего оппонента. В частности, и правда, не могут служить доводом в пользу тезиса о разъединенности секретариата и Суда в московский период просторность и запустение нынешнего здания в Петербурге, особенно учитывая тесноту прежней резиденции на Ильинке (п. 5). Действительно, в Москве секретариат находился у судей «на виду», и на уровне организации пространства Суд и секретариат были переплетены. Впрочем, можно было бы предположить, что подобная сплетенность и создавала ощущение, будто секретариат и Суд едины, и что в этой связи выполнение секретариатом части судейских функций легитимно. В терминах, используемых мной в статье 2015 года, мы могли бы сказать, что судьи, причастные к найму сотрудников секретариата, в московский период считали, что контроль над секретариатом осуществлен ex ante — секретариат укомплектован по «принципу союзника». В этой связи контроль ex post уже не осуществлялся, делегирование становилось избыточным, и секретариат, следуя собственной логике работы (которая все-таки отдельна от судейской), отсеивал больше жалоб, чем нужно.

Принципиальный вопрос заключается в том, способен ли был секретариат блокировать прохождение отдельных жалоб непреодолимым образом? (Такой вопрос ставит во 2-3-м пунктах своей статьи Блохин.) Представляется, что с правовой точки зрения — с позиций

1 Таким образом, в каком-то смысле можно говорить, что собака из грузинской поговорки, вынесенной в заглавие этой статьи, действительно перепоручила доверенную ей работу своему хвосту. Надо, впрочем, признать, что поговорки в принципе обладают ограниченной эвристической ценностью.

отводимого секретариату Регламентом инструментария — такой возможности у него не было, о чем убедительно пишет сам Блохин. Действительно, закон о Конституционном суде предполагает, что заявитель, получивший от сотрудника секретариата «отказное» уведомление о несоответствии, вправе требовать доведения жалобы до сведения судей. Таким образом, юридической возможности категорически воспрепятствовать доступу заявителя к суду у секретариата, строго говоря, нет. Факт, однако, состоит в том, что в конце 1990-х — начале 2000-х этот механизм заявителями использовался значительно (в разы) реже, чем после переезда, о чем свидетельствует статистика определений.

Отсюда может следовать вывод, что сами заявители — обращающиеся в суд физические и юридические лица — были первоначально менее требовательны и по каким-то причинам не настаивали на доведении жалоб до сведения судей, но впоследствие стали все больше настаивать на этом. Действительно, П. Блохин напоминает (п. 2), что в конечном счете содержание жалоб — параметр крайне существенный и притом ненаблюдаемый, но именно он определяет их судьбу; в первые десять лет функционирования Суда содержание могло быть иным или иначе могли вести себя сами заявители. Мне, однако, более правдоподобным кажется предположение, что в середине 2000-х, и особенно после переезда, сменилась сама политика работы секретариата с поступающими обращениями, о чем я и пишу в своей статье. Мой аргумент состоит не в том, что секретариату нормой закона был гарантирован мандат на изоляцию Суда от жалоб, а в том, что по факту секретариат функционировал именно так.

Возможности работать именно так у секретариата были. Сам же П. Блохин пишет, что, получив уведомление секретариата о несоответствии жалоб требованиям закона, «некоторые [заявители] (в том числе и те, в чьих жалобах прослеживается реальная конституционно-правовая проблема)... вовсе отказываются от дальнейших действий, воспринимая письмо Секретариата именно как «отказ»». (И это даже в тех случаях, когда сам сотрудник секретариата скорее стремится указать на недостатки жалобы с тем, чтобы заявитель их исправил и вновь обратился в Конституционный суд.) Силу такого «отказа», пусть и преодолимого по закону (о чем, насколько мне известно, можно было не сообщать в уведомлении), не стоит преуменьшать. Фактически, уведомляя заявителя о несоответствии его жалобы требованиям закона, секретариат повышает издержки обращения в Суд для заявителя. Если же за секретариатом в принципе закреплена возможность вступать с заявителем в развернутую переписку (а такая практика была распространена до переезда в Петербург), то объем таких издержек может варьироваться довольно

значительно. Из наших интервью мы знаем, что сотрудники секретариата данным инструментом владеют виртуозно и при необходимости умеют как убедить заявителя в полной бесперспективности обращения в Конституционный суд, так и, напротив, воодушевить, подсказав выгодную форму жалобы, если она сформулирована неудачно. Опять же, проблема издержек обращения в Суд и того, как они на практике сказываются на конституционном правосудии, не нова, и в том числе освещается самим П. Блохиным [Блохин, 2011].

Естественно, возникает вопрос: зачем сотруднику секретариата брать на себя эту работу? П. Блохин обращается к этому вопросу в п. 3., выражая сомнение, что «сотрудник Секретариата [стал бы изыскивать] совершенно негодные поводы для „отказа“», «когда жалоба убедительна, а проблема достаточно серьезна». С этим утверждением я целиком согласен, и вовсе не имею в виду, что сотрудники секретариата выборочно и злонамеренно блокируют доступ судей именно к политическим и резонансным делам. Здесь я позволю себе высказаться дискуссионно: на мой взгляд, секретариат только в редких случаях способен тонко отсеивать определенные жалобы, а в основном работает как своеобразный конвейер, у которого есть два режима: либо все пускать, либо ничего не пускать. В каком режиме работает секретариат — вопрос не воли конкретного исполнителя, а организации аппарата суда в целом. До определенного момента (как я полагал раньше, до переезда в Петербург) неформальная миссия секретариата была сформулирована таким образом, что (во всяком случае в том, что касается отбора дел к рассмотрению) секретариат мог считаться практически равным суду. Делегирование как будто не столько указывало на подчинение, сколько на разделение обязанностей между двумя организациями. Отдельные исполнители решали, что заслуживает внимания суда, а что не заслуживает, и творчески использовали возможности, которые предоставляет им закон о Конституционном суде, для поиска оснований для отказа в случаях, когда жалоба казалась им бесперспективной. Возможно, органическая «сплетенность» секретариата с Судом на Ильинке к тому располагала.

Эта «миссия» дополнялась тем обстоятельством, что до середины 2000-х годов работа аппарата была налажена значительно хуже, чем сегодня. Отсутствовала информатизация, что, в частности, вело к уменьшению контроля над сотрудниками: как со стороны судей (в контроле по большому счету не слишком заинтересованных), так и со стороны руководства секретариата и, в частности, глав отраслевых управлений. Как следствие, значительно хуже обстояли дела с соблюдением сроков прохождения жалобы. В некоторых случаях исполнителю могло быть удобнее уведомить заявителя о несоответ-

ствии его жалобы требованиям закона, а не передавать ее судьям с запозданием. Таким образом, речь вовсе не о злонамеренности отдельных сотрудников, специально поражающих заявителя в праве на правосудие, а скорее о расположении шестеренок в конвейере, которые не перемещали жалобу от заявителя к судьям а, напротив, сбрасывали ее обратно[1].

Ситуация изменилась, когда руководству секретариата потребовалось восстановить контроль над происходящим в управлениях: после переезда стал очевидным риск ошибок со стороны отдельных служащих аппарата, и возникла необходимость создать систему перепроверки действий и соблюдения сроков. В этой связи мне бы хотелось внести два уточнения в свою аргументацию (на мой взгляд, в целом справедливую), озвученную в предыдущей статье.

Во-первых, я должен заметить, что, говоря о более низкой квалификации штата секретариата после переезда, я имею в виду именно умение осуществлять относительно автономную деятельность по разбору жалоб и переписке с заявителями, которой он был занят в московский период. В момент найма новые сотрудники попросту не имели этого тонкого навыка; прежде столь существенной единоразовой ротации кадров в Конституционном суде не происходило[2], поэтому руководители были изрядно потрясены произошедшим. В том же, что касается общей юридической квалификации (во всяком случае, если судить по ученым званиям и степеням), переезд скорее способствовал росту: если по состоянию на 2001 год в секретариате было всего 26 кандидатов наук [Кудрявцев, 2001, с. 42], то сегодня наличие степени фактически является базовым квалификационным требованием для рядового сотрудника отраслевого управления.

1 Отметим, к слову, некоторую неточность заглавной метафоры хвоста, виляющего собакой. В сущности, служит ли эта метафора иной цели, кроме риторического преуменьшения влияния секретариата на суд? И не будет ли более точным (хотя и менее лицеприятным) сравнение секретариата с пищеварительной системой, через которую животным усваивается все то полезное, что приходит вместе с поступающими жалобами, и возвращается в мир все вредное? Желудок, разумеется, не мозг (и, действительно, секретариат не является центром принятия решений в Конституционном суде), но в то же время, нельзя назвать желудок неважным органом: если желудком ничего не усваивается, то организм голодает, что сказывается и на работе мозга.

2 Как пишет бывший руководитель секретариата Ю. Кудрявцев, «трудовой коллектив являет пример удивительной для нашего времени стабильности своего состава: в среднем в год к нам приходят 7 новых сотрудников и примерно столько же уходят (главным образом на пенсию)» [Кудрявцев, 2001, с. 42].

Во-вторых, мне бы хотелось отдельно остановиться на фиксируемой мной временной динамике этого процесса, существенным образом привязанной к переезду. П. Блохин справедливо отмечает, что такая привязка слабо обоснована — и вообще находит приводимое мной эмпирическое свидетельство недостаточным, настаивая на необходимости более строгой полевой работы. К сожалению, сбор соответствующего эмпирического материала — не просто трудозатратная задача, но также в чем-то на данный момент и невыполнимая. Чтобы понять, как работает секретариат (какие жалобы и на каких основаниях он отсеивает), потребовалось бы собрать данные о том, какие жалобы поступают в Суд, а такая информация Судом не публикуется. Все, что есть в нашем распоряжении, — это материалы решений суда, то есть порядка 23 тысяч определений и еще около 450 постановлений, принятых судьями за 22 года после возвращения к работе в 1995 году. Эти данные в первую очередь позволяют нам рассуждать о том, как работают судьи, но некоторые выводы можно делать и о работе секретариата.

В частности, мы могли бы попытаться построить статистическую модель, учитывающую факторы, которые влияют на вероятность подготовки судейского доклада по конкретной жалобе (т. е. на совершение первого шага к принятию постановления или так называемого «определения с позитивным содержанием»). Почему нас интересуют именно доклады? Как это связано с работой секретариата? Связь однозначная: я полагаю, что в модели, которую я условно буду называть «московской», секретариат функционировал таким образом, чтобы в основном передавать на рассмотрение Суда жалобы, которые заслуживают внимания судей. Представляется, что таковы были ожидания самих судей, которые считали, что во всех остальных случаях жалоба может до их сведения не доводиться вовсе, хотя это — только лишь мое предположение. В модели, которую я (опять же, условно) назову «петербургской», секретариат работает как недифференцирующий фильтр, представляющий судейскому вниманию все жалобы, отвечающие определенным критериям, но не обязательно, по его мнению, перспективные. Если это так, то и вероятность подготовки по жалобе судейского доклада должна в «московский» период быть существенно выше.

Статистическим анализом генеральной совокупности решений Конституционного суда за 1995-2015 год это предположение подтверждается: мы действительно наблюдаем соответствующую периодизацию, когда на первом этапе вероятность подготовки судейского доклада существенно выше, чем на втором. Я не описываю здесь подробности этого анализа, но подчеркиваю, что он производился с помощью логистической регрессии, позволяющей учитывать влияние множества факторов (в своем анализе я ввожу такие значимые

контрольные переменные, как фигура заявителя, тематика жалобы и принадлежность оспариваемой нормы к региональному законодательству). Это значит, что наблюдаемая связь не обуславливается содержательными характеристиками поступавших в эти годы жалоб, а объясняется именно ненаблюдаемым фактором, присутствующим в первом периоде и отсутствующим — во втором. Я полагаю, что этот фактор и есть порядок взаимодействия секретариата с Судом.

Важный эмпирический вопрос: где же лежит точка перехода, в которой начинается снижение вероятности подготовки судейского доклада? Оказывается, что переход случился не в 2008-2009 годах, как следовало бы ожидать, если решающим фактором стал именно переезд, а в 2006-2007 годах. Скорее всего, переход связан с вступлением в силу закона «О порядке рассмотрения обращений граждан», принятого в 2005-м. Именно в этот момент начинает снижаться вероятность того, что попавшее на рассмотрение судей дело достанется на рассмотрение судье-докладчику. Связано это с тем, что, с одной стороны, в секретариате, по всей видимости, начали опасаться ответственности, которую берет на себя исполнитель, вступая с заявителем в переписку, регламентируемую новым законодательством. С другой стороны, стали жестче следить за сроками. В итоге судьи стали получать на рассмотрение значительно больше жалоб, чем до принятия закона. Переезд и кадровая ротация в секретариате усилили тенденцию, но не задали ее.

Другое предположение, которое я делаю в предыдущей статье, состоит в том, что параллельно смещению ответственности за отказы с уровня секретариата на уровень Суда должен был обостриться интерес судей к делам политической тематики. С того момента, когда эта гипотеза была высказана, прошел год, и я смог ее проверить. Однозначно определить, какое дело является политическим, а какое — нет, разумеется, невозможно, но достойного приближения можно добиться, считая политическими дела, относящиеся к законодательству о выборах и референдумах, митингах, общих принципах организации власти, ношении оружия, гражданской службе, религии, экстремизме и жертвах репрессий, а также жалобы, оспаривающие нормы региональных конституций и уставов. Учитывая объем анализируемых данных (в общей сложности более 22 тысяч наблюдений), такой подход к решению проблемы операционализации мне кажется оптимальным, хотя я и не обсуждаю его здесь подробно. Соответственно, вопрос заключается в том, какова динамика отношения судей к подготовке докладов по жалобам политической тематики?

Оказывается, и здесь заметна периодизация. В анализе, детали которого здесь оставлены за скобками, я провожу проверку гипотезы о наличии динамики путем внедрения в логистическую регрессионную модель (в качестве зависимой переменной выступает

факт подготовки по данной жалобе судейского доклада) интеракционного эффекта, оценивающего влияние факторов времени и принадлежности оспариваемой нормы к политической тематике. Соответствующая интеракционная независимая переменная значима и положительна: с годами судьи все чаще интересуются жалобами именно политической тематики. Причем, водораздел проходит по 2005-2006 годам и примерно совпадает с тем моментом, когда секретариат стал передавать на уровень Суда больше определений, а судьи получили более широкий доступ к жалобам.

В завершение мне бы хотелось высказать еще одно предположение о том, какое влияние могло оказать изменение характера отношений секретариата с судьями после 2005 года. Это предположение касается роли председателя суда и кажется мне настолько важным, чтобы высказать его здесь, несмотря на то, что оно пока что мной не проверено.

Одна из функций председателя Суда — распределять между судьями жалобы для подготовки докладов. В ситуации, когда основная масса жалоб, заслуживающих рассмотрения, передается судьям с соответствующей рекомендацией из секретариата, распределение докладов оказывается всецело в руках председателя, который, исходя из соображений относительной загруженности судей (как мы знаем из интервью), а, быть может, и преследуя иную логику, может контролировать повестку дня. Пока рекомендация секретариата остается основным каналом, по которому судьи получают материал для дальнейшей работы, главными игроками в формировании повестки дня оказываются, собственно, секретариат и председатель, который может ею манипулировать, подбирая для каждой жалобы лучшего, по его мнению, докладчика.

Существует и второй канал, который до расширения доступа судей к жалобам использовался реже — он состоит в том, что секретариат передает проекты отказных определений на управленческий пленум [Григорьев, 2015, с. 88], а судьи могут выхватить то, что им кажется перспективным из обширного массива жалоб. Формально докладчик все так же назначается председателем, однако практика сложилась таким образом, что докладчиком становится судья, которому жалоба показалась перспективной в первую очередь.

Со временем, после 2005 года, и особенно после переезда, второй канал расширился. Я предполагаю, что тому должна была сопутствовать децентрализация контроля над повесткой дня в Суде: от более упорядоченной модели, когда доклады по имеющимся жалобам распределяются председателем по собственному усмотрению, Суд должен бы был перейти к модели более хаотичной, когда все большее значение имеют предпочтения отдельных судей. Разумеется, потеря председателем контроля над судебной повесткой должна

была бы сопровождаться и другими последствиями. Скажем, если прежде председатель старался проводить осторожную политику, адресно распределяя рискованные жалобы осторожным судьям, то теперь могла бы произойти политизация Суда, и более радикально настроенные судьи получили бы доступ к повестке. Впрочем, произошло ли это в действительности — вопрос эмпирический, ответа на который у меня пока нет.

В заключение я бы хотел еще раз высказать признательность П. Блохину за отклик на мою статью — не только за исключительно точные замечания по фактическому материалу (в том числе и кросс-страновому), но и за возможность вернуться к этому разговору, причем в дискуссии с большим экспертом по данному вопросу, чем я сам.

Библиография

Автономов А. (2009). Секретариат Конституционного суда России: фильтр для отсеивания необоснованных жалоб или тормоз конституционного правосудия. *Журнал конституционного правосудия*, 11 (5): 26-30.

Блохин П. (2011). О некоторых проблемах, связанных с издержками на обращение в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение законом конституционных прав и свобод, *Сравнительное конституционное обозрение*, 4: 111-121.

Блохин П. (2012). Деятельность Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений: Проблемы компетенции, *Журнал конституционного правосудия*, 1: 14-22.

Блохин П. (2015). *Роль аппарата органов конституционной юстиции в судебном процессе: сравнительно-правовой анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук*, М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Григорьев И. (2015) Роль секретариата в работе российского Конституционного суда: фильтрация или амортизация? *Социология власти*, 2: 66-93.

Дмитриева А. (2014). *Отбор дел в Конституционном суде Российской Федерации: роль секретариата*, СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Кудрявцев Ю. (2001). Команда профессионалов, *Российская юстиция*, 10: 41-42.

Сивицкий В. (2012). О некоторых аспектах рассмотрения обращений в адрес Конституционного Суда Российской Федерации в предварительном порядке его Секретариатом. *Журнал конституционного правосудия*, 1: 23-28.

References

Avtonomov A. (2009). Sekretariat Konstitutsionnogo suda Rossii: fil'tr dlya otseivaniya neobosnovannykh zhalob ili tormoz konstitutsionnogo pravosudiya. [Secretariat of

the Russian Constitutional Court: Filter for screening out the frivolous petitions or an obstacle for constitutional justice] *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 11 (5): 26-30.

Blokhin P. (2011). O nekotorykh problemakh, svyazannykh s izderzhkami na obrashchenie v Konstitutsionnyy Sud RF s zhaloboy na narushenie zakonom konstitutsionnykh prav i svobod. [Concerning certain problems of costs pertaining to application to the Russian Constitutional Court] *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 4: 111-121.

Blokhin P. (2012). Deyatel'nost' Sekretariata Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po rassmotreniyu zhalob grazhdan i ikh ob» edineniy: Problemy kompetentsii. [Activity of the Russian Constitutional Court Secretariat in reviewing citizens' and their unions' petitions: The issue of Competence] *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 1: 14-22.

Blokhin P. (2015). *Rol' apparata organov konstitutsionnoy yustitsii v sudebnom protsesse: sravnitel'no-pravovoy analiz. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk.* [Constitutional justice staff and its role in judicial process: legal comparative analysis] M.: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki».

Dmitryieva A. (2014). *Otbor del v Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii: rol' Sekretariata. [Case selection in the Russian Constitutional Court: the role of Secretariat]* Sankt-Peterburg: Institut problem pravoprimeneniia pri Evropeiskom universitete v Sankt-Peterburge.

Grigor'ev I. (2015) Rol' sekretariata v rabote rossiĭskogo Konstitutsionnogo suda: fil'tratsiya ili amortizatsiya? [Role of the Russian Constitutional court secretariat: filtration or cushioning?] *Sotsiologiya vlasti*, 2: 66-93.

Kudryavtsev Yu. (2001). Komanda professionalov. [Team of experts] *Rossiyskaya yustitsiya*, 10: 41-42.

Sivitskiy V. (2012). O nekotorykh aspektakh rassmotreniya obrashcheniy v adres Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v predvaritel'nom poryadke ego Sekretariatom. [Certain aspects of preliminary review of petitions addressed to the Russian Constitutional Court by its secretariat] *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 1: 23-28.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Григорьев И. С. (2016) «Дело поручили собаке, а она — своему хвосту»: ответ П. Блохину. *Социология власти*, 28 (3): 34-45.

Grigoriev I. (2016) «They Gave the Job to the Dog, and the Dog Handed it over to his Tail». A Response to Pavel Blokhin. *Sociology of power*, 28 (3): 34-45.